Стараясь не шуметь, чтобы не привлечь внимания Плаксы Миртл, которая наверняка была где-то здесь, Поттер пошарил рукой за одной из труб. Его пальцы быстро нащупали запыленный пузырек. Он вытащил его и огляделся, проверяя, не подглядывает ли кто. В туалете было пусто.

Гарри стер пальцами пыль с пузырька. Тот был наполнен оборотным зельем, тем самым, которое варила Гермиона, чтобы сделать мальчишек похожими на друзей Драко Малфоя. В тот вечер Грейнджер превратилась в кошку, перенервничала и потому как-то позабыла, что в пузырьке оставалось еще немного зелья. После того, как вся суета улеглась, и Гермиону отвели в медпункт, Гарри вернулся и слил все оставшееся зелье вот в этот пузырек.

С тех пор он регулярно наведывался сюда, принося и пряча в тайнике волосы самых разных людей, в том числе, конечно, и самой Гермионы.

Гарри откупорил пузырек с зельем. Оно выглядело как густая, темная грязь. Поверхность бугрилась и почему-то наводила на мысль о слизнях.

Поттер отлил на ладонь немного жидкости. Затем дрожащей рукой бросил в нее волос Гермионы. Зелье громко зашипело, пошел пар. Гарри чуть не отдернул ладонь от жара, но, так и не достигнув нестерпимой температуры, раствор стал быстро остывать. Через секунду цвет отвара сменился на тошнотворно-желтый. Зажав нос, Гарри в два глотка выпил зелье. Вкус был как у переваренной капусты.

Сразу же в животе у него всё заворочалось, словно он проглотил клубок живых змей. Он согнулся пополам, сдерживая рвоту. Затем жжение распространилось по всему телу до самых кончиков пальцев.

Поттер, задохнувшись, рухнул на четвереньки. Пришло ощущение, что его тело плавится, а кожа пузырится как горячий воск. И вот, прямо на глазах, его руки начали уменьшаться, пальцы становиться тоньше, ногти приобретать идеальную форму, плечи стали уже, в районе груди появилось ощущение распирания. По пощипыванию на голове Гарри догадался, что его волосы стали стремительно отрастать. Ноги уменьшились, и он почувствовал, что башмаки стремительно становятся слишком просторными. Последним аккордом было ощущение хлопка между ногами, будто в одно мгновение исчезла какая-то часть его тела.

Все эти ощущения кончились так же неожиданно, как и начались. Гарри обнаружил, что лежит лицом вниз на холодном каменном полу. Его маленькие ступни легко выскользнули из ставших огромными башмаков.

Он попытался встать. Похоже, что всего в его теле стало очень мало. Он больше не ощущал привычной силы в мышцах. Зато появилось ощущение необычайной гибкости. Все тело было каким-то непривычно легким.

Гарри, держась за край умывальника, поднялся. Он почувствовал необычную тяжесть на груди. Поднеся руку, он вдруг обнаружил грудь, настоящую девичью грудь, небольшую, упругую. Собственное прикосновение отозвалось в ней необычным приятным чувством, чем-то схожим на то чувство, которое возникает при прикосновении к члену. Похожим, но, все же, другим, каким-то более разлитым, тягучим, щемящим.

Поттер тут же положил ладонь на другую сторону груди и нащупал еще один такой же холмик, тоже отозвавшийся приятными ощущениями.

«Я стал девочкой!» — подумал Гарри и, вдруг осознав это, быстро пощупал у себя между ног. Там ничего не было. То есть ему в первое мгновение показалось, что там ничего нет. Но спустя несколько секунд он ощутил непривычную мягкость точно посередине, чуть надавил и понял, что это как раз и есть та самая девичья щелка, о которой столько говорили близнецы Уизли. Давление его пальцев отозвалось новым ощущением удовольствия. Оно немного отличалось от прикосновения к груди. Он надавил еще раз и понял, что оно слагается из нескольких ощущений, разных, индивидуальных и очень приятных.

Наконец, Гарри удалось выпрямиться, и он смог посмотреть в зеркало. На него смотрела Гермиона. Ошарашенная, изумленная, но все та же Гермиона. «Какая же она красивая!» — подумал Гарри. Поправил длинные волосы. То есть он подумал, что он поправил волосы, но прикосновение к ним вызвало новую гамму приятных ощущений. Он закинул волосы назад, провел по ним растопыренными пальцами. Было приятно, черт побери! Конечно, намного слабее, чем от прикосновения к груди, но, все же, приятно! Убирая руку, он случайно коснулся уха и почувствовал, что и это приятно. Интересно, было хоть какое-нибудь место на теле Гермионы, прикосновение к которому не вызывало сладостных волн?

Гарри распрямил плечи и попробовал ощутить свое новое тело. Балахон был явно не по размеру, намного больше, чем нужно. Поттер чувствовал, как бьется сердце, часто и сильно, чувствовал жар в груди, чувствовал, что губы пересохли. Удивительно, но воздуха не хватало, и приходилось немного приоткрывать ротик. Еще одной странностью было то, что веки казались какими-то тяжелыми и постоянно норовили опуститься. В самом низу живота («в щелке!» подумал Гарри, хотя это было глубже и более разлитым) было как-то горячо, там пульсировал какой-то узел. Его пульсация отдавала в грудь тянущими сладостными ощущениями. «Неужели девочки постоянно так ходят? — подумал Поттер.

Он провел рукой по груди, опять почувствовав удовольствие и какую-то слабость, спустился на животик, ощутил, какой он удивительно плоский, и достиг пространства между ножками. Балахон немного мешал, но, все же, прикосновение к щелке отдалось по всему телу волной необычного удовольствия. Поскольку пальцам ничего не мешало, Гарри и не заметил, как его ладонь оказалась совсем между ногами, как бы поддерживая туловище снизу. «Попка!» — подумал он и резко подобрал балахон. Он все еще был в своих брюках. Они были слишком широки.

Поттер повернулся к зеркалу спиной и попытался рассмотреть себя, оттянув ткань вперед. Он увидел чудную попку, попку Гермионы, обтянутую слишком узкими штанами. Проведя ладонью по ней, он уже без удивления обнаружил, что прикосновение и к попке вызывает волну удовольствия. Попка была сумасшедше прекрасной на ощупь, круглой, упругой, как мячик, тугой.

— Уф! Вот это да! — пробормотал Гарри и услышал голос Гермионы, хриплый, какой-то слишком мягкий, немного прерывающийся.

Новая мысль мелькнула в его голове, и он осмотрелся. Увы, вокруг был все тот же заброшенный туалет. Раздеваться в туалете совершенно не хотелось. Гарри хотел снять балахон, чтобы рассмотреть тело Гермионы подробнее, но обстановка была не та. Да и Плачущая Миртл могла появиться в любой момент. Если привидение увидит его, скандал будет на всю школу.

Он всунул ноги в слишком большие башмаки, аккуратно завинтил пробку на флаконе, спрятал его за трубу и выглянул в коридор. В такое время дня там, конечно, никого не было. До ванной девочек нужно было спуститься на этаж ниже и пройти с десяток шагов по коридору.

Гарри осторожно вышел из туалета и стал спускаться по лестнице. И надо же такому случиться! Прямо у подножия лестницы, когда, казалось бы, все опасности миновали, на его пути вырос профессор Снегг.

— Грейнджер? — сказал он своим замогильным голосом. Он окинул девочку подозрительным взглядом. — Что вы здесь делаете?

— Ничего, — Гарри хотел ответить резко, но получилось не просто мягко, а как-то даже воркующе. В голове у Поттера вдруг мелькнула дикая мысль, что профессор Снегг — весьма симпатичный мужчина, окруженный какой-то страшной тайной, с привлекательным лицом и стройной мужественной фигурой. А голос! Неземной, глубокий, низкий, такой возбуждающий голос!

Шокированный такой мыслью, Гарри хотел повернуться и уйти, но вместо этого почувствовал, что не может двинуться с места.

— Что с вами, Грейнджер? — спросил Снегг, пристально рассматривая что-то на лице Гермионы. — Может быть, вам стоит обратиться в медпункт? У вас какие-то красные пятна на лице. И дышите вы тяжело.

— Ничего, профессор. Со мной все в порядке.

Снегг еще раз окинул Гермиону взглядом и безмолвно повернулся, чтобы уйти. В любое другое время Гарри был бы счастлив избавится от ненавистного преподавателя, но тут вдруг неожиданно услышал свои слова:

— Профессор, у меня есть несколько вопросов по зельеварению. Вы позволите зайти к вам после ужина на полчасика?

Снегг повернулся. Все также внимательно посмотрел на Гермиону и сказал:

— Я отвечу на ваши вопросы завтра, после завтрака. В обеденном зале. Можете подойти к преподавательскому столу, когда подадут напитки.

И решительно зашагал прочь. «Какой он умный! — вдруг подумал Гарри. — И имя у него такое красивое, загадочное — Северус!»

Он проводил Снегга взглядом, пока тот не скрылся за поворотом лестницы, и двинулся в сторону девчачьей ванной комнаты.

В коридоре его ждало еще одно препятствие — Перси Уизли.

— Грейнджер! — воскликнул он. — Что вы здесь делаете в такое время?

— Ничего, — заученно ответил Гарри. Голос был все тот же, мягкий, теплый, слегка хриплый. И опять ему в голову пришла неожиданная мысль. Он подумал, что Перси — красивый парень. Стройный, сильный, умный. Понимающий. Привлекательный…

Черт, что значит, привлекательный! Это он кого и к чему привлекает! Это ж надо было такое подумать! Привлекательный!

— Грейнджер, если бы это были не вы… — сказал Перси и вдруг, оглянувшись по сторонам, резко подошел очень близко. Гарри почувствовал тепло его тела, и это почему-то его

взволновало. — Не хотите прогуляться со мной по подвалам Хогвартса? Я могу показать вам множество мест, о которых вы даже не подозреваете.

— Какие именно? — спросил Гарри, хотя хотел сказать что-то вроде: «Отвали!».

— Разные, — ответил Перси.

Поттер пожал плечами и пошел к ванной комнате девочек, ожидая, что Перси его окликнет. Но тот лишь вздохнул и отправился дальше по своим делам.

Поттер повернул ручку на двери и вошел в комнату.

Конечно, Гарри никогда в ней не был. Он ожидал увидеть что-то вроде того, что было у мальчишек: ряд душевых кабинок и две ванных прямо под стеной. Но здесь строители замка явно не экономили. Это был бесконечный ряд дверей, ведущих в комнатки поменьше. Все было в зеркалах, все ярко освещено. Куда ни кинь взгляд, стояли какие-то ящички, полочки, умывальнички и разнообразные приспособления, о назначении которых Поттер даже не догадывался. Вместо казенного кафеля, как у мальчишек, пол и стены были выложены разноцветной плиточкой, складывающейся в картинки леса, луга, морского берега. Вместо казенного холода, здесь было тепло.

Гарри остановился и прислушался. Пусто. Он заглянул в какую-то кабинку. Все те же шкафчики, полочки, скамеечки, табуреточки. И светильники повсюду. И зеркала во весь рост. И утопленная в полу розовая ванна в виде морской раковины.

Поттер прошел чуть дальше и заглянул еще в одну кабинку. Та была выполнена в каком-то абстрактном стиле. Черное и белое. Ванна в виде строгого куба.

Из коридора донесся какой-то звук, и Гарри, шмыгнув в эту кабинку, задвинул за собой засов. Из зеркал на стенах на него смотрела Гермиона Грейнджер. Она была повсюду. Поттер видел ее одновременно и спереди, и с боков, и сзади, и под десятками других углов. Он поднял голову. На потолке тоже было зеркало. «Неудивительно, что девчонки проводят столько времени в ванной комнате», — подумал Гарри.

Его глаза смотрели на Гермиону. На ее милом личике проступило несколько розовых пятен. Ротик был открыт. Поттер улыбнулся, и чудесная улыбка Грейнджер отразилась от зеркал со всех сторон. Гарри немного оттянул ворот балахона. Розовые пятна заходили и на шею, были здесь даже больше и ярче.

Что за пятна? Откуда? Гермиона что, больна?

Поттер глубоко вздохнул и стянул балахон. Взглянул на себя. Как Гермионе шла мужская рубашка! Она подчеркивала тонкость и стройность ее тела. Два холмика грудей оттопыривали ткань. Под их давлением одна из пуговиц расстегнулась. На обеих грудях явственно проступали соски. «Какая она красивая!» — подумал Гарри.

Верхняя часть брюк на нем болталась, будто была на несколько размеров больше. Пуговицы легко расстегнулись. Мальчиковые трусы тоже были явно не по телу — все болталось. Гарри зажмурился, чтобы преждевременно не видеть детали, и стянул и их. Потом пришла пора рубашки и носков. Спустя несколько секунд Гарри стоял совсем голый, чувствуя, как легкие потоки воздуха мягко обдувают его тело.

Он открыл глаза. И задохнулся. Как Гермиона была красива! Поттер смотрел на это стройное

нагое тело, длинные ноги, плоский животик, яблоки грудей с выступающими розовыми сосками, треугольничек темных волос внизу живота. Он не мог насмотреться. Он был повержен, растоптан, разбит столь совершенной красотой. Взрослый мужчина, наверное, увидел бы, что Гермиона была едва начавшим распускаться бутоном цветка, но для Гарри она была самим совершенством.

Поттер осторожно положил руку сверху. Как это было приятно! И его ладони сжимать девичью грудь, и девичьей груди чувствовать руку мальчишки. По телу Поттера немедленно разлилось сладостное чувство. Упругая плоть, тугое яблоко, столь хорошо ложащееся в ладонь, шершавый сосок между пальцами, близкое биение сердца — все это пронзало его тело сладостными клинками, охватывая и унося в неведомые дали удовольствия.

Гарри спустил ладонь на животик и вновь удивился тому, насколько он маленький, плоский и приятный на ощупь. Рука скользнула по тонкой талии и опустилась на попку. Поттер вновь ощутил свое прикосновение как бы с двух сторон — его ладони было приятно ощущать тугой мячик девичьей попки, и попке было невыносимо сладостно чувствовать мальчишечью руку на себе. Гарри почувствовал, что задыхается от удовольствия.

«И почему я столько времени не пользовался этим зельем?» — с сожалением подумал Поттер. Он уже давно мог бы наслаждаться телом Гермионы, но идея как-то не приходила ему в голову.

Наконец, пришел черед самого главного. Гарри подошел к зеркалу поближе и посмотрел на розовый разрез внизу живота Гермионы. Он был маленьким, с указательный палец длиной, и покрыт редкими коротенькими волосками. Прямо над разрезом волоски становились немного гуще. Они росли только до определенной линии, выше которой ни одного волоска видно не было. Все это и создавало впечатление треугольника, обращенного вершиной вниз.

Поттер положил палец на самое основание треугольника. С удивлением нащупал лобок, часть тела, которой у него не было, и которая оказалась безумно приятной на ощупь. Аккуратно, останавливаясь передохнуть от волн удовольствия, пронзавших его, Гарри пальцами раздвинул щелку в стороны. Видно было плохо.

Поттер сел на какой-то табурет, широко раздвинул ножки Гермионы и вновь пальцами осторожно прикоснулся к щелке. Его охватила сладостная волна, от которой его глаза на мгновение закрылись, а ротик стал хватать воздух. Края щелки разошлись, и Гарри увидел розовые складочки, похожие на лепестки розы. Вверху складочки сходились, образуя там что-то вроде капюшона, прикрывавшего собой ясно видимую пуговку. У нижнего же края щелки виднелась небольшая дырочка, прикрытая тоненькой полосочкой розовой плоти.

Вся щелка была горячей, влажной, а из дырочки даже проступила капля жидкости.

Поттер хотел было пощупать розовые лепестки и прикоснулся к ним, как к прикасался бы к любой другой части тела. И тут же взвыл (довольно громко!) от удовольствия. Даже самые легкие прикосновения к складочкам вызывали сильнейшие сладостные ощущения. Уже осторожнее Гарри пощупал пуговку. В теле поднялась еще большая, еще более сильная волна удовольствия.

Касания к дырочке внизу тоже были приятными. Поттер хотел было пощупать, что там внутри дырочки и сунул туда мизинец, но кончик пальца тут же уперся в ниточку перегородочки. Он хотел отодвинуть ее в сторону, но ощутил боль, и отдернул палец.

Гарри вновь посмотрел на себя в зеркало. Розовые пятна на коже спустились теперь еще ниже и теперь захватили и грудь. Ротик тяжело дышал. Он поймал себя на том, что облизывает

пересохшие губы. Глаза казались полузакрытыми, даже несмотря на то, что он, вроде бы, глядел прямо перед собой.

Будь у Гарри член, он бы сразу понял, что возбужден. Ошибиться невозможно — если член стоит, значит возбужден. А сейчас, лишенный этого компаса, Поттер никак не мог понять своего состояния. Он даже подумал, что возможно, оборотное зелье подействовало как-то не так, и он задыхается и покрывается пятнами именно из-за этого.

Пришло время выполнять свой план. Гарри хотел в обличье Гермионы прийти к Рону и попробовать с ним от ее имени объясниться. Он поднялся, чтобы одеться, и понял, что тело его почти не слушается. Слабость охватила его. Ноги подгибались. Глаза непроизвольно закрывались. Поттер рухнул обратно на табурет.

«Что же это со мной?» — подумал Гарри. В его голове роились почему-то образы всяких мужчин, знаменитостей мира волшебников и мира маглов. Все эти мужчины были почему-то с обнаженными торсами. Иногда перед его глазами вставали образы только что виденных профессора Снегга и Перси, тоже с голыми животами. Мелькнул Рон, таким, каким Поттер видел его в раздевалке — полностью голым и почему-то кажущийся красивым, в смысле, сексуально красивым. С удивлением Гарри увидел и себя, тоже голого и тоже щемяще сексуального и привлекательного. В конце концов, из всего этого роя мужчин выделился один, знаменитый киноактер из мира маглов. Актер обнимал Поттера и жарко шептал ему на ушко что-то очень романтичное.

Гарри потряс головой и опять попытался встать. Он добрел до своей разбросанной одежды, чувствуя, как каждое движение отдается в теле новыми волнами приятного чувства. Пальцы нащупали волшебную палочку. Поттер поднял ее и остановился. Какое заклинание произнести? По наитию, а, может, не совсем понимая, что делает, Гарри пробормотал «онанизмус» и взмахнул палочкой, указав на треугольничек волосиков внизу живота. Ничего не произошло. Поттер произнес заклинание четче и тщательно произвел движение палочкой. Опять ничего не произошло.

«У девчонок другие заклинания!» — вдруг вспомнил Гарри. Когда-то Поттер обнаружил в библиотеке трактат средневекового волшебника Оргазмуса «О волшебниках и волшебницах». О волшебниках там было немного — метра два текста, а вот о волшебницах — все остальное, метров сорок, не меньше. И, как назло, Гарри, лишь краем глаза взглянув на раздел о юных волшебницах, читать его не стал. «Что же там было?» — наморщил Гарри чудный лобик Гермионы. Он помнил, что там было два или три заклинания, которые он успел прочесть.

— Масибацио! — сказал он и взмахнул палочкой.

Ничего не произошло.

— Пастурбацио!

Опять ничего.

— Мастурбацио!

Едва он закончил взмах волшебной палочкой, как вдруг ощутил движение знакомых по «онанизмусу» неведомых сил. Только, к его удивлению, они не набрасывались на тело со всей мощью, а легонько касались его. И вместо того, чтобы заниматься щелкой (как они занимались членом у мальчиков), они ласково гладили шею, уши, лицо. Но это было приятно. Постепенно невидимые силы спустились на спину. Гарри замурлыкал от приятных ощущений. Он тяжело

осел прямо на пол, на ворох одежды. Но и этого было мало, и он лег на спину. Хорошо, что пол в ванной комнате девочек подогревался!

У мальчиков при «онанизмусе» их членом от начала и до конца занималась как бы одна сила. Тут Гарри удивленно почувствовал, что к поглаживаниям спины и попки вдруг присоединились поглаживания груди. Непроизвольно Поттер пошевелился, пытаясь совладать с новыми волнами удовольствия, рождавшимися в теле Гермионы. Грудь сжимало, толкало вверх-вниз, гладило. Ноги согнулись в коленях. Их почему-то очень хотелось расставить, развести в стороны, сильно, так, чтобы было больно.

Тут к двум присоединилась и третья сила, которая стала легонько теребить оба соска. И будто бы даже посасывала их. Тут уже Поттер явственно услышал свой стон. Это было в диковинку — какой бы удачный «онанизмус» он не применял, обычно все проходило в полной тишине. Разве что в последний момент было тихое короткое постанывание. Сейчас же хотелось стонать постоянно. И громко.

Но и это было не все. Четвертая сила мягко прикоснулась к щелке. Непроизвольно ноги Гермионы раздвинулись. Новое прикосновение — и Поттер уже сознательно широко расставил ноги.

Удовольствие было просто диким, невыносимым. Оно пронзало все тело, затуманивало разум, уносило из реальности. Актер, чей образ преследовал Гарри несколько последних минут, целовал Гермиону. Нежно, мягко. Его руки легли ей на грудь, но не грубо, а будто прикасаясь к драгоценности — осторожно и ласково.

Движение силы на щелке усилились. Она гладила складки, изредка касаясь щелки у основания пуговки или даже нежно проходя по ней самой. Но и этого было мало. Появилась еще одна сила, которая легко обогнув перегородку на входе, проникла внутрь влагалища. Она мягко, едва заметно, заскользила от входа куда-то очень глубоко, толкая тело девочки изнутри, заполняя его, расширяясь, потом шла назад и опять вперед, при этом медленно разрастаясь, становясь с каждым движением все больше и больше, превращаясь из тонкой палочки в цилиндрик, а из цилиндрика в большой, толстый стержень.

Тело Гермионы извивалось, ее таз ритмично подавался вверх и возвращался обратно на пол, из ротика вырывались стоны.

Актер был уже голым. Его прекрасный сильный член уверенно торчал вверх. На мгновение мелькнул сам Гарри, тоже голый, тоже с торчащим членом, с обнаженной головкой и каплей белесой жидкости на ней.

Актер ласково, нежно положил Гермиону на мягкие шелковые простыни. Он поцеловал ее грудь (неведомая сила, занимавшаяся грудью, тут же сжала ее немного сильнее, а другая сила сделала сосательное движение на обоих сосках). Его сильная мужская ладонь легла на щелку девочки и ласково, с любовью погладила ее. Сила, которая была внутри влагалища, уже увеличилась настолько, что с силой растягивала плоть. Сила уже не могла просто скользить по стенкам — слишком сильно она расширилась, слишком плотно она к ним прилегала. Она лишь двигалась вместе со стенками плотно облегающего ее лона.

Поттер уже совершенно не понимал, где он и что с ним происходит. Тело Грейнджер ритмично двигалось, изо рта вырывались хрипы и стоны.

Актер продолжал гладить щелку Гермионы. Его глаза с любовью и нежностью смотрели на ее лицо. Сила, ласкавшая щелку, стала чаще прикасаться прямо к клитору. Сила, находившаяся

внутри влагалища, еще увеличилась в размере, уже не просто заполняя лоно, а растягивая его стенки на разрыв.

— Ты готова, любимая? — спросил он.

— Да! — прохрипел Гарри, хотя в том осколке сознания, который еще оставался в уголке полного удовольствия мира, Поттер ругал себя из-за того, что поцелуи мужчины доставляют ему столько наслаждения.

В следующее мгновение чудесный, сильный, горячий, твердый (ах, какой он был твердый!) член актера погрузился в лоно Гермионы.

Поттера пронзило дикое, совершенно непередаваемое удовольствие, ничем не похожее на удовольствие от «онанизмуса». Он закричал и выгнулся. Его сотрясало неизведанное ощущение сильнейшего оргазма. По мышцам ног одна за другой пробегали волны сокращений. В животе сжалось что-то сладостное, сжалось и разлилось по всему телу. Удовольствие поглотило Гарри, пропитало, растворило, разорвало. Он дергался, как бы пытаясь удрать от невыносимого ощущения наслаждения, но оно было повсюду. Его скручивало. Ноги то с силой напрягались, то раздвигались, будто пытаясь нанизать щелку на что-то невидимое. Спина выгибалась. Волны удовольствия шли одна за другой. Им не было конца. Ничего общего с коротким мужским удовольствием от «онанизмуса» не было. Было долгое, сильное, невыразимое. Поттер метался по полу. Удовольствие то отступало, давая возможность глотнуть воздуха, то вновь охватывало Гарри, выгибая его, будто в судорогах.

Сколько это длилось, Поттер не знал. Возможно, часы и часы. Наконец, острое ощущение немного отступило. Мышцы расслабились. Поттер замер. Все тело дрожало. Неведомые силы легонько гладили грудь и щелку. Тело реагировало, выгибаясь, но уже не так сильно. Волна удовольствия схлынула, и Гарри опустился на пол. Он тяжело дышал, ноги вздрагивали. Хотелось лежать так, на волнах спокойного, баюкающего удовольствия и не шевелиться.

Постепенно дыхание Поттера успокоилось. Он с трудом открыл глаза. В зеркале на потолке отразилось расслабленное тело Гермионы. Она лежала, полуповернувшись на бок, немного подогнув ногу. Ее тонкий стан вновь поразил Гарри своей красотой, и он жадно ловил бы каждую черточку ее тела, но глаза против его воли закрылись.

Дрожь в ногах постепенно отступила. Поттер осознавал, что он Гарри Поттер, что он лежит в ванной комнате девочек. Он смутно помнил, что кричал. Как-то лениво в голове образовалась мысль, а не слышал ли кто его криков. Он повернулся на бок и замер, ощущая, как поет все тело, как что-то невыносимо радостное и прекрасное баюкает его, как неведомая легкость поднимает его и несет, несет куда-то.

Еще через несколько секунд Гарри осознал, что силы, доставившие ему такое удовольствие, никуда не исчезли, они были здесь же, легко прикасаясь к телу, будто не хотели его покидать. Это было приятно. Особенно было приятно ощущать прикосновение неведомой силы к грудям.

«Надо пойти, наконец, и выполнить план. Поговорить с Роном», — лениво подумал Поттер, но двигаться не хотелось.

Полежав еще немного, Гарри подумал: «Если действие зелья продержится еще немного, я это повторю».

Будто услышав его мысль, неведомые силы окончательно исчезли, с нежностью прикоснувшись к телу еще раз, в последний раз.

«Какая Гермиона счастливая!» — подумал Поттер. И тут же почувствовал гордость за нее. Будь у него «мастурбацио», он бы пользовался этим заклинанием постоянно, по нескольку раз в день, а Грейнджер часами сидила в библиотеке, готовилась к каждому занятию, да еще находила время гулять с ними, двумя разгильдяями.

Дрожь в ногах окончательно улеглась. Гарри с трудом поднялся и осмотрелся. В глаза тут же бросилось прекрасное тело Гермионы, отраженное в зеркалах. Теперь он мог смотреть на него спокойнее, любоваться им, наслаждаться, как картиной в музее.

Он вновь посмотрел на этот чудный стан, прекрасные груди, тугую попку. Вновь прикоснулся к ним, пытаясь запомнить ощущение.

Тут до его сознания дошло, что из-за двери доносится шум воды в умывальнике и какой-то шепот. В животе что-то екнуло и оборвалось…

— Счастливая она… — сказала какая-то девочка. Гарри с ужасом узнал голос самой Гермионы Грейнджер. — Видно «мастурбацио» на некоторых все-таки действует…

— Да, — согласился другой голос. Это была Джини! — Но ты же уже взрослая. Неужели на тебя не действует?

Гарри, весь залившись краской от стыда, лихорадочно стал натягивать на себя трусы. С его изменениями в анатомии они никак не садились, как надо.

Как-то сладив с трусами, Поттер схватил штаны и вдруг обнаружил на них в самом интересном месте огромное влажное пятно. «С меня натекло, — подумал Гарри. — Только что? Спермы же у них, у девчонок, нет? Или есть?»

Гермиона и Джини там, снаружи, дружно вздохнули. Поттер натянул на себя штаны, почувствовав прикосновение мокрой ткани к бедрам. Схватил рубашку.

— Ты знаешь, — сказала Джини. — Я когда вошла, она уже кричала. И мне показалось, что это ты… Голос похож…

Поттер застегнул рубашку и стал натягивать мантию.

Некоторое время шепот за дверью был совершенно неразборчивым. Потом Гарри услышал:

— Везет мальчикам. На них «онанизмус» действует с первого раза, сразу же.

— Откуда ты знаешь? — прошептал голос Джини.

— Знаю…

— Поттер или мой братец?

— Я не хочу об этом говорить…

Гарри стал расправлять балахон, приводя его в порядок. Он старался не глядеть на лицо Гермионы, отражающееся во всех зеркалах. Ему было стыдно. И радостно от качающего его тело удовольствия и ощущения удовлетворения.

— Может, подождем, пока она выйдет? — спросила Джини. — Вдруг мы что-то не так делаем с этим «мастурбацио»? Пусть она покажет…

— Нет, мы ее смутим, — сказала Гермиона. — Да и дело не в заклинании. Просто нам нужно еще немного времени.

Шум воды прекратился. Послышались легкие шаги и скрип двери. Опять воцарилась тишина.

Гарри устало свалился на скамеечку и схватился за голову. Какой позор! Его услышали! А если бы он вышел? Прямо на них! Он провел рукой по волосам, и вдруг понял, что это волосы Поттера, а не Гермионы. Он посмотрел в зеркало. На его глазах волосы почернели, лицо несколько вытянулось, на лбу появился шрам. Гарри положил руку на грудь, но ничего не ощутил. То есть ощутил свою, Поттеровскую, обычную грудь. В штанах пальцы нащупали привычный член и мошонку. Член, кстати, стоял колом, напряженный, налитый кровью, вздрагивающий.

Мальчишка встал и попытался всунуть ноги в башмаки. Не получилось. Ноги были слишком большими. Пришлось развязать шнурки.

Оглядев себя, Гарри понял, что не в силах куда-либо идти. Его била дрожь. Дыхание никак не приходило в норму. Член дергался.

Поттер зачем-то оглянулся и лег на теплый пол. Задрал мантию и рубашку почти до шеи, расстегнул и спустил штаны до колен, вытащил член из трусов. Его рука подняла волшебную палочку.

— Онанизмус! — сказал он и взмахнул палочкой, указывая на торчащий член.

http://erolate.com/book/333/3136